

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-86-91

О семантико-синтаксическом стяжении, или Что мы имеем в виду, когда не говорим что-то вслух?**Борис Юстинович Норман***Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь, boris.norman@gmail.com*

Аннотация. Цель статьи – проанализировать случаи семантико-синтаксического стяжения (сжатия, компрессии) в русском языке. С формальной стороны это сокращение фразы, обусловленное тенденцией к экономии речевых усилий. По сути же – это актуальный способ уплотнения, упаковки информации, при котором происходит преобразование внутренней структуры высказывания, одни слова получают новые функции, а другие опускаются, редуцируются. Особую роль в распространении и легализации подобных случаев компрессии играет разговорная речь. Приводятся примеры из художественной литературы и публицистики на русском языке – такие как *археология* вместо *археологические раскопки* или *спорт* вместо *спортивный мотоцикл*. Анализируются случаи сложных, многокомпонентных преобразований, в ходе которых структура фразы заметно сокращается и «уплотняется», например: *самые богатые люди в России, фиксируемые в журнале «Форбс»* → *русские «форбсы»*. В качестве ключевых (опорных) слов, сохраняющихся в ходе стяжения, выступают обычно имена существительные (или именные группы). В статье показано, что адресат (читатель), как правило, адекватно воспринимает и осознает такие высказывания, опираясь: 1) на предыдущий речевой опыт (в том числе стандартные модели метонимии); 2) на словесный и ситуационный контекст; 3) на правила здравого смысла. Делается вывод, что анализ высказываний, включающих в себя факты семантико-синтаксического стяжения (как элемент «динамической» грамматики), помогает продемонстрировать богатые возможности русского языка в плане обработки и упаковки мысли.

Ключевые слова: стяжение, компрессия, разговорная речь, синтаксическая структура, преобразование, реконструкция смысла, уплотнение информации

Для цитирования: Норман Б. Ю. О семантико-синтаксическом стяжении, или Что мы имеем в виду, когда не говорим что-то вслух? // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 1. С. 86–91. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-86-91.

ORIGINAL ARTICLE

About semantic and syntactic compression, or What do we mean when we don't say something out loud?**Boris Ju. Norman***Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, boris.norman@gmail.com*

Abstract. The purpose of the article is to analyze cases of semantic and syntactic compression (contraction, constriction) in the Russian language. From the surface side the syntactic compression is a reduction of the phrase, due to the tendency to save speech effort. In fact – it is an actual method of compacting and packaging information, in which the internal structure of the utterance is transformed, some words get new functions, and others are omitted and reduced. Colloquial speech plays a special role in the spread and legalization of such cases of compression. Examples from fiction and journalism in Russian are given – such as *archeology* instead of *archaeological excavations* or *sports* instead of *sports motorcycle*. The article analyzes cases of complex, multi-component transformations, during which the structure of the phrase is significantly reduced and «condensed», for example: *the richest people in Russia, recorded in the magazine «Forbes»* → *Russian «Forbes»*. Nouns (or noun groups) are usually used as key (reference) words that remain in the course of contraction. The article shows that the addressee (reader), as a rule, adequately perceives and understands such statements, based: 1) on previous speech experience (including standard models of metonymy); 2) on verbal and situational context; 3) on the rules of common sense. It is concluded that the analysis of utterances that include facts of semantic and syntactic contraction (as an element of «dynamic» grammar) helps to demonstrate the rich capabilities of the Russian language in terms of processing and packaging of thought.

Keywords: compacting, compression, spoken language, syntactic structure, transformation, reconstruction of the meaning, contraction of information

For citation: Norman B. Ju. About semantic and syntactic compression, or What do we mean when we don't say something out loud? *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 1. P. 86–91. (In Russ.). DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-86-91.

Введение. В ходе речевой деятельности мы не выражаем полностью и подробно ту информацию, которую хотим сообщить собеседнику. Мы поступаем по принципу, так сказать, «два пишем, три в уме». Какая же часть нашей мысли остается невыраженной и должна быть восстановлена собеседником?

Анализ. Прежде всего, это те сложные названия, которые в процессе речевой деятельности сократились и стали общепринятыми, общедоступными. Слова вроде *банкомат*, *кольцевая*, *продленка*, *передоз* уже не требуют расшифровки. Мы говорим сегодня *открытка* и даже не задумываемся, почему этот предмет так называется.

Сто двадцать лет назад на открытках с обратной стороны обычно печатали слова: *Открытое письмо*. Так вот что такое *открытка* — это результат сжатия, стяжения целого словосочетания! Письма могли быть закрытыми, в конверте, а могли быть открытыми: их содержание мог прочитать, например, почтальон. И слово *открытка* оказывается в одном ряду с такими стяженными названиями, как *электричка* (первоначально: *электрический поезд*) или *зачетка* (первоначально: *зачетная книжка*), современные *нефтянка* (*нефтяная отрасль*), *взлетка* (*взлетная полоса*), *неучтенка* (*неучтенный товар*) и т. п.

Не стоит думать, что для стяжения составных номинаций используются только существительные с суффиксом *-к(а)*. Другие словообразовательные модели тоже участвуют в данном процессе. Новое существительное может формально вообще не отличаться от старого, но произошедший в сознании факт семантико-синтаксического стяжения отражается на значении слова. Например, в текстах на спортивные темы сегодня встречаются такие словоупотребления, как *шоссе* (*шоссейная велогонка*), *вода* (*водная дорожка*), *республика* (*республиканское первенство*) и т. п. Приведем два примера из газет (ответы спортсменов в ходе интервью):

...Минимум — это 1 м 97 см. Такого результата скорее всего хватило бы и для попадания в «призы» на Чемпионате мира — как известно, в прыжках в высоту лидируют европейки. (Аргументы и факты, 2018. № 31);

Спортивный мотоцикл — это своего рода «ракета» под пятой точкой, управлять которой само по себе непросто... Дело в том, что «спорт»

управляется не рулем, а корпусом, который нужно закладывать в определенную сторону при повороте. (Аргументы и факты, 2019. № 21).

«Призы» в первой цитате — это «*призовые места*», а «спорт» во второй — «*спортивный мотоцикл*». И хотя оба словоупотребления в газете взяты в кавычки, они — неотъемлемая часть спортивного жаргона. Подобные однословные замены словосочетаний уже устоялись, стали привычными для нашего сознания. В разговорной речи сплошь и рядом слышится: *дизель* вместо *дизельный двигатель*, *винил* вместо *виниловая грампластинка*, *цифра* вместо *цифровое телевидение* или *цифровой фотоаппарат*, *глянец* вместо *глянцевые журналы* и т. п.

Но привычными стали и двусловные названия, за которыми стоят более сложные конструкции. В частности, многим словосочетаниям с несогласованными определениями (*яйцо всмятку*, *дверь на балкон*, *номер на двоих* и т. п.) в нашем сознании предшествовали глагольные конструкции. Фактически мы имеем дело с процессом, при котором предложение как коммуникативная единица превращается в номинативную единицу, в словосочетание, ср.:

[Кто-то] сварил яйцо всмятку → яйцо, сваренное всмятку, → *яйцо всмятку*.

[Кто-то] получит кофе бесплатно → кофе, получаемый бесплатно, → *кофе бесплатно*.

Магазин продает мебель в рассрочку → мебель, продаваемая в рассрочку, → *мебель в рассрочку*.

Дверь ведет на балкон → дверь, ведущая на балкон, → *дверь на балкон*.

Замечательный русский лингвист и методист А. М. Пешковский, изучая, как слова разных частей речи сочетаются друг с другом, писал о соединениях существительного с наречием в русском языке: «Сочетания эти всецело обуславливаются глагольностью существительного. Такие сочетания, как *из окна напротив выснулась голова*, считаем совершенно исключительными» [Пешковский 1956: 339]. Имелось в виду, что, в соответствии с правилами, следовало бы сказать: *из окна дома, расположенного напротив...* Но слова ученого, отражающие речевую реальность начала XX в. (1-е издание «Русского синтаксиса в научном освещении» вышло в 1914 г.), сегодня перестают быть актуальными. Словосочетания типа *окно напротив* уже не привлекают нашего внимания.

Несомненно, свою роль здесь играет и массовая культура: заголовки повестей и романов, кинофильмов и сериалов, ток-шоу и поп-групп приучают нас к непосредственному соединению двух слов, из которых второе играет роль несогласованного определения: *Месяц в деревне, Лекарь поневоле, Жизнь взаимы, Дорога домой, Окно в спальню, Всё на продажу, Чай вдвоем, Секрет на миллион, Театр на диване* и т. п.

Н. Ю. Шведова одна из первых заметила и описала процессы образования двучленных словосочетаний в результате переразложения более сложных речевых структур [Шведова 1966: 23–39]. При этом она трактовала примеры типа *кофе по-турецки* или *бумаги на подпись*, с одной стороны, как проявление внутриязыковых тенденций в синтаксисе, а с другой — как распространение явлений разговорной речи. Последние же, несомненно, находятся в прямой связи со стремлением к экономии речевых усилий, с повышением роли пресуппозитивного и контекстуального знания, с убыстрением темпа жизни и т. д.

В том, что стяжение названий и в целом сокращение речевой единицы — естественный процесс, обусловленный тенденцией к экономии речевых усилий («ленью человеческой», по выражению Е. Д. Поливанова), сомневаться не приходится. Но важно подчеркнуть: такое сокращение не есть упрощение! Это способ упаковки информации, при котором формально более краткая единица становится способна выражать больший объем информации. Это очевидно в случаях типа *винил* или *глянец*, но относится также и к иным приведенным примерам.

Так, сочетание *яйцо всмятку* создает для нас образ кулинарного продукта, соответствующего определенному стилю жизни, и при этом отсекаются все «посторонние» значения входящих в эту номинацию слов (ср.: *спор о курице и яйце, яйца курицу не учат, яйца Фаберже* и т. п.; *автомобиль всмятку, сапоги всмятку* и т. п.). А сочетание *дорога домой* не есть механическое сложение семем 'дорога' и 'дом': за ним встает представление о возвращении к истокам, к семье, в родные края (ср. «посторонние», отсекаемые значения этих слов: *перейти* (кому-либо) *дорогу, скатертью дорога* и т. п.; *Дом рыбака, Дом тканей, желтый дом* и т. п.).

Естественно встает вопрос: можно ли систематизировать эти процессы, протекающие в сознании говорящего и приводящие к сокращению речевых единиц? Попытки представить модели таких семантико-синтаксических преобразований встречаются в уже названной книге [Шведова 1966], а также в других работах, посвященных изменениям в синтаксической системе русского языка [Иванчикова 1966: 15–22; Акимова 1990: 16–19 и др.]. И в рассмотренном нами материале, казалось бы, представлена одна из таких моделей: *призовые места* → *призы, глянец* → *журнал* → *глянец, цифровое телевидение* → *цифра* и т. п. Определительное словосочетание превращается в однословную номинацию, совпадающую с основой слова-определения.

Но сложность заключается в том, что восстановление исходной для говорящего речемыслительной единицы носит гипотетический характер. Мы не можем с уверенностью на 100% реконструировать эту структуру. Вот, скажем, под «*призами*» в приведенной выше цитате имеются в виду действительно «призовые места» или же «число тех, кто может рассчитывать на призы»? Или, может быть, просто «тройка призеров»? А *цифра* в разговорной речи — это «цифровое телевидение» или «телевидение, основанное на цифровых схемах»? Или же еще более развернутый вариант: «оппонент аналоговому телевидению, когда сигнал передается с помощью последовательности цифр 0 и 1»?

Другая, не меньшая, сложность заключается в том, что семантико-синтаксические преобразования в сознании говорящего нередко затрагивают более обширную структуру — целую сеть связей между словами — и ведут к более сильным сокращениям в высказывании. В таких случаях и реконструкция исходной речемыслительной единицы становится задачей более сложной, в каком-то смысле — каждый раз уникальной.

Приведем и прокомментируем несколько подобных примеров:

Растворился преступник. И черт бы с ним, полбеды, но вещественные доказательства тоже растворились. *Литейный* звереет и перекрывает город. Через час брошенный «уазик» находят у метро «Площадь мира». (М. Веллер. Легенда о Лазаре).

Если читатель, предположим, жил в Ленинграде (Петербурге), то он знает, что *Литейный* — это условное обозначение огромного угрюмого здания, располагающегося на Литейном проспекте. В этом здании последовательно находилось Управление ОГПУ, НКВД, КГБ и, наконец, ФСБ (что вызывает соответствующие ассоциации). Если же читатель этого не знает, то он воспринимает номинацию *Литейный* как обозначение какого-то органа власти (которому дано право перекрывать выезд из города, а также *звереть*) — и этого достаточно. Данный случай показывает нам, что глубина проникновения в смысл текста может быть разной.

Два часа, сначала немного по грунтовой дороге, потом по асфальтовой — и я в центре города. Вот город! А можно снова сесть в автобус, и через два часа будет *археология!* (Е. Гришковец. Реки).

Что может означать археология на расстоянии двух часов от города? Например, «археологические раскопки». Или «археологический музей». Или «место, где располагалась археологическая экспедиция»... Смысловые варианты различаются, но незначительно — все они, в общем, покрываются зонтичным понятием «нечто, связанное с археологией». Однако читатель уже находится в теме, потому что ранее речь шла о том, как студенты-историки взяли автора с собой на раскопки древних могильников. Роль предшествующего контекста оказывается тут решающей, и сжатая конструкция никаких трудностей при восприятии не вызывает.

Девицы выходили из калиток и спешили со своими кавалерами: торопились в сквер — в пользу наводнения. (Л. Добычин. Ерыгин).

Лаконичный фрагмент *в пользу наводнения* придется расшифровать, видимо, в связи с тем мероприятием, что намечалось в сквере: там мог происходить концерт, спектакль, митинг... Но от этого мероприятия должна была быть какая-то выгода, выручка, которая могла бы быть направлена в пользу — не наводнения, конечно, — а его жертв. Наводнение — бедствие, результатом которого могут быть жертвы. Выстраивается некоторый пунктир, обозначающий направление мысли. Следовательно, исходная структура

должна была бы иметь примерно такой вид: «девицы... торопились в сквер на концерт (спектакль?), вырученные средства от которого пойдут в пользу пострадавших от наводнения». Понятно, что сжатие, уплотнение информации не обходится без потери каких-то деталей, которые слушатель (в частном случае — читатель) должен домыслить сам. Но тут действует своего рода презумпция доверия к говорящему: раз тот не сказал об этом и не намекнул через какие-то контекстуальные ремарки, значит, это и не нужно знать, это неважно.

На буфетной стойке патефон *хрипел* тремя веселыми поросятами. <...> Проходя мимо патефона, он покрутил ручку и *поставил поросят* сначала. (Ю. Нагибин. Срочная командировка, или Дорогая Маргарет Тэтчер...).

Понятно, что *хрипел* здесь значит «хрипло звучал», а *поросятами* — «голосами поросят» (из известной сказки). *Поставил поросят* в следующем предложении значит «поставил песенку поросят». Перед нами — типичные случаи метонимии, одного из основных типов переноса значения, см.: [Илюхина 2009]. Стандартные семантические сдвиги, уже заложенные в языковой памяти носителя языка, облегчают понимание стяженной конструкции.

С деньгами у Ганнибалов было всегда плохо: Ленечка *устроился* было на полставки в *женский календарь* как обозреватель рецептов национальных кухонь. (Т. Толстая. Лимпопо).

Устроиться — значит поступить на работу. Но как можно поступить на работу в календарь? Языковое сознание предлагает подсказку: календари где-то издают, этим занимаются издательства, а в издательствах есть редакции (хотя вряд ли какое-то издательство издает только календари). Но и издательства, и редакции — это коллективы, и вместе с тем — место работы. Вот туда, видимо, и поступил Ленечка, и вся фраза получает примерно такое толкование: «Ленечка устроился на работу на полставки в издательство, которое, среди прочего, выпускает и женские календари». Здесь срабатывает когнитивный опыт читателя, сумма его знаний о жизни, ср.: [Лакофф 1981: 355; Кечкеш 2014: 11–12 и др.]. Ребенок, не обладающий соответствующим опытом, вряд ли поймет фразу *Ленечка устроился в календарь*.

В прошлые два — мятежных — года *имидж русских «форбсов»* значительно пошатнулся, и это отражается на общественных настроениях. («Комсомольская правда», 17–21.01.2013).

Имидж — образ, сложившийся в общественном мнении. Обычно это слово употребляется по отношению к людям. Но что за люди — «*форбсы*»? Тут вступает в дело не только опыт читателя, но и так называемый здравый смысл. «Форбс» (Forbes) — американский журнал, регулярно публикующий рейтинг самых успешных бизнесменов мира. По-видимому, *русские «форбсы»* и есть «самые богатые люди в России, фиксированные в журнале «Форбс»». Название журнала метонимически переносится на героев публикаций, а множественное число существительного (*форбсы*) подтверждает эту догадку.

Все приведенные примеры содержат в себе факт семантико-синтаксического стяжения фразы. Содержание высказывания тем самым уплотняется, получает как бы дополнительное измерение. И, чтобы достичь искомого смысла, читатель обращается к дополнительным источникам информации: к контексту, к своему опыту, к здравому смыслу, к типовым механизмам семантических переносов. В каких-то случаях, как мы видели, он может и отказаться от реконструкции полного содержания, оставив это «на совести» говорящего.

Надо отличать ситуацию семантико-синтаксического стяжения от другого явления, характерного для разговорной речи, — эллипсиса [Норман 2012: 4]. Эллипсис — опущение в речи словоформы, легко восстанавливаемой из контекста (словесного или ситуационного). Мы говорим: *Русский у меня сегодня вторым уроком*, имея в виду *русский язык*.

Стяжение же — умственный процесс перестройки высказывания, при котором одни слова меняют свою позицию в структуре фразы, возможно также функцию и частеречную природу, а другие просто исчезают, поглощаются своими соседями. В итоге формальное упрощение есть, по сути дела, сгущение, уплотнение информации в единице текста. Разные уровни языковой системы — морфология, лексика, синтаксис — взаимодействуют в ходе речевой деятельности, взаимно друг друга дополняют и при необходимости компенсируют.

Восстановление полной речемыслительной структуры на основании стяженных конструкций позволяет нам не только судить о психологических механизмах речепроизводства, но и получать дополнительные знания об устройстве языковой системы.

В частности, стоит обратить внимание на то, какие именно слова сохраняются в ходе стяжения. В первой цитате это *Литейный*, во второй — *археология*, в третьей — *в пользу наводнения*, в четвертой — *поросята*, в пятой — *женский календарь*, в шестой — *русские «форбсы»*. Заметим, что это в основном существительные (или группы существительных), т. е. номинативные единицы. Выделенные нами в цитатах слова играют роль своего рода опор, по которым «шагает» мысль читателя. И далее уже дело самого читателя — реконструировать исходный смысл.

Выводы. Не следует думать, что описанные процессы — редкие или тем более уникальные явления в нашей практике. Мы сталкиваемся с подобными фактами часто, а в разговорной речи — на каждом шагу. Просто механизмы обработки текста (устного и письменного) в нашем сознании настолько автоматизированы, что мы их не замечаем. Однако факты синтаксической компрессии требуют специального внимания, потому что они, с одной стороны, позволяют понять внутреннюю логику мысли, а с другой — демонстрируют скрытые ресурсы языковой системы.

Оказывается, что, кроме грамматики статической и в каком-то смысле поверхностной, есть еще грамматика динамическая, обращенная к смысловой стороне высказывания и к психическим процессам, протекающим в сознании говорящего и слушающего. Не случайно в последние десятилетия делаются попытки компьютерного моделирования процессов восприятия и понимания текста. В одной из рецензий на книгу «Динамическая грамматика» двух американских авторов [Culicover, Nowak 2003] отмечалось, что само ее название представляет собой в каком-то смысле оксюморон, внутреннее противоречие, потому что для традиционной лингвистики грамматика — свод статических правил [Raczaszek-Leonardi 2004: 93]. Но в принципе, как мы видим, возможен и взгляд «в движении» на формирование грамматических структур в сознании носителя языка.

Синтаксическое строение предложения — не самая простая тема в курсе школьной грамматики. Но тем более нельзя ее сводить к изучению простейших конструкций, в которых каждой словоформе с самого начала приписана неизменная стандартная роль. Анализ высказываний, включающих в себя факты семантико-синтаксического стяжения, — хороший повод обратить внимание школьника или студента на богатые возможности русского языка в плане обработки и «упаковки» мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 166 с.
2. Иванчикова Е. А. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху (вместо предисловия) // Развитие синтаксиса современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 3–22.
3. Илюхина Н. А. Аномальные словоупотребления как следствие метонимических переносов: проблема квалификации // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 9. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2009. С. 12–19.
4. Кечеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2014. № 1. С. 7–18.
5. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 350–368.
6. Норман Б. Ю. О процессах синтаксической компрессии в современных славянских языках // Известия Российской Академии наук. Сер.: Литература и язык. 2012. Т. 71, № 6. С. 3–11.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 512 с.
8. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М.: Просвещение, 1966. 156 с.
9. Culicover P. W., Nowak A. Dynamical Grammar, Minimalism, Acquisition and Change. Oxford: Oxford University Press, 2003. 324 p.

10. Rączaszek-Leonardi J. Grammatical is easier // Psychology of Language and Communication. 2004. Vol. 8, No. 2. P. 93–98.

REFERENCES

1. Akimova G. N. New in the syntax of modern Russian. Moscow: Higher School, 1990. 166 p. (In Russ.).
2. Ivanchikova E. A. Russian language syntax development in the Soviet era (instead of a Preface). *Razvitie sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* = *Development of the syntax of the modern Russian language*. Moscow: Science, 1966. P. 3–22. (In Russ.).
3. Ilyukhina N. A. Abnormal word usage as a consequence of metonymic transfers: the problem of qualification. *Problemy rechevoi kommunikatsii* = *Speech Communication Problems*. Issue 9. Saratov: Saratov State University Publ., 2009. P. 12–19. (In Russ.).
4. Kecses I. The word, the context and communicative meaning. *Vestnik RUDN. Ser.: Lingvistika* = *Bulletin RUDN. Ser.: Linguistics*. 2014. No. 1. P. 7–18. (In Russ.).
5. Lakoff George. Linguistic gestalts. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* = *New in Foreign Linguistics*. Issue X. Moscow: Progress publ., 1981. P. 350–368. (In Russ.).
6. Norman B. Ju. On the processes of syntactic compression in modern Slavic languages. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii nauk. Ser.: Literatura i Yazyk* = *News of the Russian Academy of Sciences. Ser.: Literature and Language*. 2012. Vol. 71, No. 6. P. 3–11. (In Russ.).
7. Peshkovsky A. M. Russian syntax in scientific coverage. 7th ed. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 512 p. (In Russ.).
8. Shvedova N. Yu. Active processes in modern Russian syntax (combination of words). Moscow: Education Publ., 1966. 156 p. (In Russ.).
9. Culicover P. W., Nowak A. Dynamical Grammar, Minimalism, Acquisition and Change. Oxford: Oxford University Press, 2003. 324 p. (In Engl.).
10. Rączaszek-Leonardi J. Grammatical is easier. *Psychology of Language and Communication*. 2004. Vol. 8, No. 2. P. 93–98. (In Engl.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борис Юстинович Норман, доктор филологических наук, профессор, кафедра теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет

Boris Ju. Norman, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Theoretical and Slavic Linguistics, Belarusian State University

Статья поступила в редакцию 20.08.2020; одобрена после рецензирования 09.09.2020; принята к публикации 14.09.2020.

The article was submitted 20.08.2020; approved after reviewing 09.09.2020; accepted for publication 14.09.2020.